Текст · 16 декабря 2022, 10:52
Дмитрий Швец,

Слово года — «пятисотые». Как солдат, которые не хотят воевать в Украине, судят за самоволку

В России растет число уголовных дел о самовольном оставлении части — это один из способ преследования солдат, которые не хотят воевать в Украине и вопреки угрозам командиров возвращаются с фронта. В основном это дела против контрактников, отказавшихся воевать еще весной и летом, но начали появляться и первые приговоры за самоволку «в период мобилизации» — наказание за это сильно ужесточили. Как отказники бежали с фронта до начала мобилизации и оказывались на скамье подсудимых, «Медиазона» рассказывает на примере 20-летнего псковского десантника, который был в Буче в начале вторжения, к лету вместе с сослуживцами бежал из Украины и получил уголовное дело за оставление части.

Десантники уходят с фронта

19-летний сварщик Алексей[1] проходил срочную службу в десантной части № 74268 под Псковом и летом 2021 года заключил контракт с Минобороны. Так он стал артиллеристом в десантном подразделении, а 24 февраля оказался в авангарде вторжения в Украину. Уже через три дня он вошел в Бучу.

«По нам стреляли даже не военные, а такие — за свой город воюют, обычные граждане»,

— вспоминает Алексей, носивший тогда звание ефрейтора. Сослуживцы это не обсуждали.

Трупы гражданских на улицах Бучи и массовые расстрелы стали символом российского вторжения, но Алексей уверяет, что за месяц он видел на улицах «10–20 трупов, не больше».

Солдат постоянно обстреливала украинская армия, вспоминает он: как-то раз одним снарядом убило командира бригады, двух заместителей командира полка «и еще много народу». «Когда у нас в Буче взорвало танки наши, когда все разлетелось, сгорело, нам ничего не выдали, мы сами искали, что взять, в чем спать, — рассказывает ефрейтор. — Там в один танк прилетело, и он начал гореть, а кто знает, когда он бахнет? И все остальные начали гореть, когда он взорвался».

Перед выходом из Бучи в конце марта, продолжает он, военные минировали двери, комментируя, что это будет «подарок для них». Тогда это его не смущало: «Было пофиг».

Алексей неразговорчив, он сухо отвечает на вопросы — по его словам, это последствия войны, против которой он теперь выступает.

Первые отказники среди его сослуживцев появились в начале апреля. Тогда десантникам дали 10 дней на отдых в Белгороде, а потом объявили, что отправят в Харьковскую область. Уже тогда, говорит Алексей, три человека сбежали из расположения части, чтобы не возвращаться на войну. Оставшиеся провели две

недели в окопах под Изюмом, а потом их перебросили в Донецкую область.

Контрактник говорит, что участвовал в захвате трех населенных пунктов, он вспоминает Берестовое: там были самые напряженные бои, и из двух батальонов — это 700–800 человек — через месяц боеспособными остались около двухсот человек, остальные были ранены или убиты. Однажды при выстреле из 120-миллиметровой пушки, рассказывает артиллерист, снаряд взорвался в дуле, погиб весь расчет, четыре человека, это были его друзья. «Самое страшное — когда только начали уезжать от позиции, 20 метров, и туда "Градом" на всю позицию», — добавляет он.

Тогда, весной и летом, многие контрактники пытались вернуться из Украины и больше не участвовать в войне. Таких отказников быстро стали называть «пятисотыми», по аналогии с ранеными «трехсотыми» и убитыми «двухсотыми». Штабные командиры, говорит Алексей, постоянно угрожали солдатам, обещая уголовные дела за отказ воевать, а вот боевые офицеры говорили, что солдаты вольны написать рапорты об отказе от участия в боевых действиях.

Впрочем, с рапортами ничего не происходило, их не подписывал командир полка. Видимо, командиры просто складывают у себя эти бумаги, к примеру, после бегства российской армии из Изюма там нашли пачку с десятками подобных рапортов, в которых солдаты жаловались на моральную и физическую усталость.

День за днем, вспоминает ефрейтор, военных «кормили завтраками», обещая, что скоро их сменят. Когда в начале июля около 40 человек отправили отдохнуть от боев в Попасную, город в Луганской области, несколько солдат решили на фронт больше не возвращаться — среди них был и Алексей.

По его словам, он и примерно десять человек сдали под роспись оружие, получили паспорта, на попутках отправились к российской границе и оттуда добрались до своей части в Псковской области. Сотрудникам ФСБ и военной прокуратуры, которые встречались им по пути, военные, по его словам, рассказывали об обстановке на фронте, те «были в афиге» и отказникам не препятствовали.

В части их никто не встретил, когда десантники прибыли туда 21 июля, начальства на месте не было, так что все просто улеглись спать. Зато на следующий день руководство сильно удивилось, вспоминает Алексей: «Спрашивают, что вы тут делаете? Мы сказали, что сдали оружие и приехали обратно. На нас орали, спрашивали, кто отпустил? С нами ничего не хотели делать, никуда не отправляли, тупо мы сидели».

Через пару недель десантники собрали вещи и просто разъехались по домам.

Сгоревший российский танк около Изюма, октябрь 2022 года. Фото: Pavel Nemecek / AP

«Таких задерживала военная полиция, они опять уходили»

Алексею и его сослуживцам удалось сравнительно легко вернуться с войны, к середине лета 2022-го отказников начали задерживать и бросать в подвалы или специальные лагеря. Военных держали в холодных и темных помещениях на территории самопровозглашенных республик, видимо, под охраной боевиков из «ЧВК Вагнера». Там уговорами и угрозами военных заставляли вернуться в строй, самых стойких избивали.

Один из таких лагерей располагался в Перевальске, городе в 40 километрах от Луганска, через него прошли сотни «пятисотых». В августе лагерь расформировали: как считает адвокат Максим Гребенюк, представляющий интересы отказников, произошло это потому, что несколько человек смогли оттуда сбежать, добраться до России и подать заявления в военную прокуратуру и военное следственное управление СК. Впрочем, к ноябрю стало ясно, что лагерь возобновил работу, но теперь там держали уже не контрактников, а мобилизованных, которые не хотят воевать. Там некоторых из них пытали и даже имитировали казнь, заподозрив, что те сообщили журналистам об условиях содержания. Об имитации казни отказники рассказывали еще летом.

Юрист и правозащитник Сергей Войнов[2],

который занимается вопросами армии и военных, подтверждает, что летом ситуация в подразделениях несколько отличалась.

«Где-то жестко прессовали, а где-то военные спокойно подходили к командиру, сдавали оружие и самовольно уезжали в пункт постоянной дислокации. Там они подавали рапорт о досрочном увольнении в связи с тем, что они совершили дисциплинарный проступок и самовольно оставили место службы. Были десантники из Пскова, которые вообще заявляли про убеждения, сформировавшиеся в период спецоперации», — рассказывает он.

Несмотря на все угрозы, до мобилизации завести уголовное дело на отказавшихся воевать контрактников было практически невозможно. Правозащитник Войнов вспоминает, что знает только один случай, когда следователи пытались возбудить уголовное дело о неисполнении приказа-[3] против другой группы псковских десантников — журналисты рассказывали о десятках отказников из области. Но тогда возбуждение дела отменила прокуратура.

Как правило, по своей воле вернувшихся с войны контрактников — как военных, так и росгвардейцев — просто увольняли. Некоторые потом даже безуспешно пытались в судах оспорить эти решения, чтобы восстановиться на службе.

«Если бы меня спросили, какое слово года, я бы сказал: "пятисотые", — отмечает юрист Войнов. — Помню, таких задерживала военная полиция, пыталась их вернуть обратно к месту службы — не получалось, они опять уходили, уезжали на каких-то предприимчивых донецких таксистах, перевозили их за границу. Главное — уехать к себе в воинскую часть, чтобы там подать рапорт об увольнении.

Правозащитники из "Призыва к совести" делали инструкцию, как это делать правильно».

После объявления мобилизации уволиться не получится: указ Владимира Путина о мобилизации, который никто не собирается отменять, прямо запрещает контрактникам увольняться. Так что теперь уйти со службы не может даже сотрудница отдела делопроизводства, чей контракт формально закончился, но начальство просто называет женщину «служащей на добровольной основе».

«Пятисотые» контрактники сразу почувствовали на себе эффект этого указа. Например, группу отказников, которую неделю держали на погранпереходе из Харьковской области в Россию, почти сразу после появления указа отправили обратно в бой под угрозой тяжелых статей о дезертирстве.

«Не желал выполнять боевые задачи». Судов за самоволки становится все больше

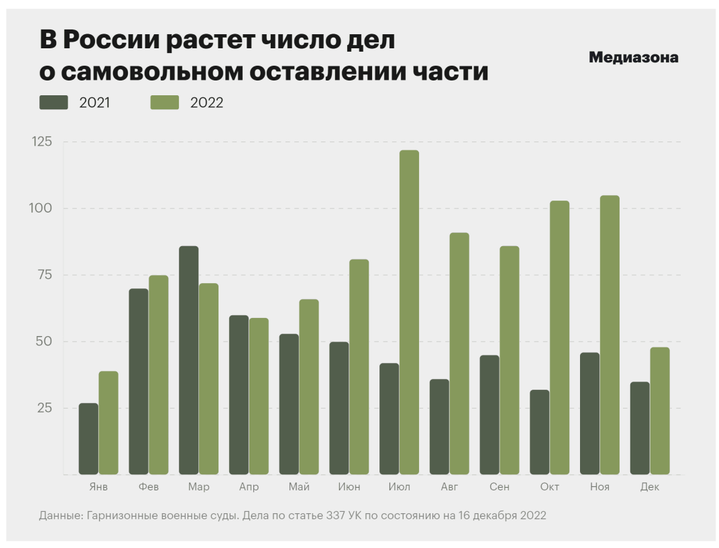
Алексея и его сослуживцев, которые просто уехали из зоны боевых действий в середине лета, увольнять не стали. Но после пары недель бездействия в псковской части солдаты просто собрали вещи и разъехались по домам. А в сентябре Алексей узнал, что против него возбудили уголовное дело за самовольное оставление части[4].

Правозащитник Сергей Войнов отмечает, что для возбуждения дела о самовольном уходе из части

нужно, чтобы военный отсутствовал там хотя бы 10 суток. Если же за этот период человек хотя бы один раз посещает часть, то дело не заводят — это называется «играть в десятку».

Отдельные контрактники, судя по решениям судов, использовали такой способ, чтобы не ехать на войну. Например, военный с Сахалина признался, что решил уволиться с помощью возбуждения уголовного дела и просто перестал ходить в часть[5].

«Медиазона» изучила[6] решения российских гарнизонных военных судов с начала 2022 года: с января по начало декабря в суды поступило 948 дел о самовольном оставлении части. На фоне войны дел стало больше, чем в прошлом году, особенно заметный рост начинается с лета.

По этим делам к началу декабря вынесено 790 приговоров, это уже больше, чем в прошлом и позапрошлом годах. По данным статистики судебного департамента при Верховном суде, за весь 2018 год суды вынесли 1109 приговоров, в 2019-м — 941, в 2020-м — 577, а в 2021 году — 605.

На сайтах судов выложены тексты 490 приговоров, как правило, события в них описаны очень скупо, а все детали вымараны.

Но все же тексты некоторых приговоров позволяют заключить, что военный покинул часть именно в связи с ходом вторжения в Украину. Так, часто встречается формулировка: «Желал отдохнуть после выполнения задач в рамках специальной военной операции». Вероятно, за ней могут скрываться случаи, похожие на историю Алексея или подобные ей. Но прямо «специальная операция» упоминается только в 40 приговорах, Украина названа всего в десяти.

Лишь изредка это проговаривается прямо, как в решении гарнизонного суда в Оренбурге: подсудимый был в Украине, попал под обстрел, его машина загорелась, он выжил и вернулся в Россию, а поняв, что скоро его вновь отправят воевать, самовольно ушел из части — и получил год условно. В другом случае сестра подсудимого сказала в суде в Челябинске, что брат ушел из части, поскольку «не желал выполнять боевые задачи».

Как правило, подсудимым назначают условные сроки или еще более мягкие наказания: штраф, удержание части зарплаты. Приговоры к реальному сроку крайне редки[7].

Впрочем, большая часть дел была возбуждена еще до того, как Владимир Путин подписал поправки в Уголовный кодекс, которые ввели понятие «мобилизация» и ужесточили наказание за уход из части в период мобилизации, который начался 21

сентября и длится до сих пор — указа об окончании мобилизации не было и не будет.

В суды только начали поступать первые дела об оставлении места службы «в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий», «Медиазона» нашла 39 таких дел в 21 регионе России. 19 человек судят по самой тяжелой части 5 статьи 337 УК, она наказывает за оставление части в период мобилизации больше чем на месяц и предполагает от 5 до 10 лет заключения.

По двум делам в начале декабря уже вынесли обвинительные приговоры: в Великом Новгороде (6 декабря) в подмосковном Солнечногорске (7 декабря). В первом случае военный по имени Данила Иванов обвинялся в оставлении места службы более чем на месяц[8]. Он получит 5 лет условного срока, сказал «Медиазоне» адвокат Константин Маркин. По словам защитника, Иванову вменялось, что он оставил свою часть в Белгородской области еще 29 апреля, а добровольно явился обратно лишь 26 сентября, после - объявления о мобилизации[9]. Адвокат отказался уточнять, участвовал ли Иванов в боях в Украине перед побегом: «Не буду на эту тему говорить, информация не для публикации».

В Солнечногорске суд назначил Алексею Созонову 4 года условно, сообщил его адвокат Владимир Неделин, отказавшись раскрывать детали дела.[10]

Первый приговор по делу о дезертирстве в период мобилизации

Мурманский гарнизонный военный суд вынес-
14 декабря приговор в отношении Максима Малышева — он обвинялся не только в -
дезертирстве в период мобилизации[11], но и -
покушении на незаконное пересечение границы[12].
. Текст приговора на сайте суда не опубликован, а судья Виталий Загорский отказался сообщить «Медиазоне» приговор, уточнив, что процесс проходил в закрытом режиме.

«Процесс был закрытый, потому что содержит в себе определенную секретную информацию, не для распространения другим лицам. Вы знаете, как работают СМИ западных стран. Телевизор, что ли, не смотрите, что они там несут в отношении нас?» — объяснил судья.

По словам Загорского, исследованные в суде обстоятельства «составляют определенную тайну с точки зрения приказа министра обороны, изданного в декабре». «Преступление, которое он совершил, резонансное с точки зрения настоящих событий, которые сейчас происходят, — сказал судья. — И чтобы утечки информации не было, чтобы потом в какой-то, извините меня, Пиндосии на своем канале они не рассказывали, что творят у нас эти лица, я закрыл процесс, вот и все».

Некоторое время назад гарнизонный суд в одном из российских регионов начал рассматривать и дело десантника Алексея — его судят еще по старой версии статьи. При этом ефрейтор все еще остается действующим военнослужащим: «Говорят, что придется ехать дослуживать».

Алексей говорит, что пережитое во время вторжения настроило его против войны, именно поэтому он согласился, пусть и анонимно, рассказать свою историю журналистам. На вопрос, не считает ли он, что своим дезертирством мог подорвать боеспособность фронтовых товарищей, Алексей отвечает так: «У всех был выбор уйти».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя героя изменено по его просьбе.
2. Имя изменено по соображениям безопасности.
3. Статья 332 УК.
4. Статья 337 УК. Алексею предъявили обвинения по двум эпизодам: по части 3 (самовольное оставление части на период от 10 суток до месяца; до 3 лет лишения свободы) и части 4 статьи (оставление части больше чем на месяц; до 5 лет лишения свободы).
5. За это он был приговорен к ограничению по службе и удержанию 15% зарплаты в пользу государства.
6. Решения и тексты приговоров собирались с сайтов гарнизонных судов.
7. Лишь в четырех случаях подсудимому назначили лишение свободы, но он всегда обвинялся еще в каком-то преступлении: грабеже (статья 161 УК), шантаже (статья 163 УК), сбыте наркотиков (статья 228.1 УК), нарушении устава (статья 335 УК), дезертирстве (статья 338 УК).
8. Часть 5 статьи 337 УК, наказание — от 5 до 10 лет заключения.

9. Защитник отмечает, что, по его мнению, Иванова нужно было обвинять по части 4 этой же статьи, поскольку он покинул часть еще в апреле, когда мобилизация еще не была объявлена и действовала старая редакция УК. «Суд посчитал, что в данном случае новый закон имеет обратную силу», — заметил юрист.

10. На сайте суда приговор пока не опубликован, в пресс-службе суда подробности дела также отказались говорить. Созонова судили по части 3.1 статьи 337 УК (самовольное оставление военной части на срок от 10 дней до месяца в период мобилизации) и по части 4 этой же статьи (оставление части сроком более месяца — но не в период мобилизации).

11. Часть 3 статьи 338 УК, наказание — от 5 до 15 лет заключения.

12. Часть 3 статьи 30, часть 1 статьи 322 УК.